

С. И. КОТКОВ

# О ПАМЯТНИКАХ НАРОДНО-РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА

В заметке «Редкое выражение русской разговорной речи XVII века» Б. О. Унбегаун, касаясь исследований синтаксиса древнерусского разговорного языка, пишет: «Уже само изучение разговорного языка по письменным памятникам,— а иными источниками мы, увы, не располагаем,— является парадоксом» и далее утверждает: «... даже тексты, казалось бы, наиболее близкие к строю разговорной речи, написанные на так называемом деловом языке, все же значительно отклоняются от этого строя, следуя правилам выработанной письменной традиции, особенно в XVII в.». «Поэтому,— замечает он попутно,— несколько странно звучит заглавие недавно вышедшего издания писем XVII в.: Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. (Из фонда А. И. Безобразова). Издание подготовили С. И. Котков, Н. И. Тарабасова. М., 1965»<sup>1</sup>. Указывая, что тексты делового содержания «являются сугубо утилитарными, далекими от разговорной стихии языка», исследователь вместе с тем напоминает: «даже частная переписка, и та подчиняется условностям традиции, отклоняясь от непосредственности устного разговора, каким она в сущности могла бы быть»<sup>2</sup>.

Хотя уже сам условный характер письма древнерусских памятников, как и любого обыкновенного, общепринятого письма, предопределяет некоторые отклонения от звуковой, а в известной мере и грамматической непосредственности, однако это вовсе не означает, что в основной своей конкретной данности фонетика и грамматика разговорной стихии в нем не реализуются, если не вступает в действие влияние таких лингвистических факторов, которые заведомо лежат за пределами разговорности. Следовательно, основное затруднение заключается не в том, что разговорную стихию прошлого приходится изучать по письменным памятникам (это историческая неизбежность), а в том, что определенный уровень разработки истории русского языка, и в частности письменных источников, далеко еще не всегда обеспечивает уверенное различение отложившихся в памятниках литературно-книжной и разговорной стихий, а следовательно, и самих памятников по преобладанию в них той или другой из этих стихий.

Не случайно и автор упомянутой заметки без достаточных на то оснований из обширного круга различных текстов старинной деловой письменности избирает как включающие элементы разговорной речи только так называемые явки, «происходящие почти исключительно из северных, бывших новгородских, земель и сохранившиеся в архивах Устюжской и Холмогорской епархий» и определяемые как «заявление о преступных действиях, направленных против автора явки, вместе с просьбой о защите и помощи»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> См.: «Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Сборник статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. И. Борковского», М., 1971, стр. 273.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же.

Несколько слов относительно того, что материалы деловой письменности, как «сугубо утилитарные», далеки от разговорной стихии. Напротив, их практическая направленность может как раз благоприятствовать проявлению в них этой стихии. Все дело в том, каков характер их утилитарности, какая сфера человеческого бытия и в каком именно виде получает в них отражение. Скажем, и царская грамота, и грамотка, адресованная родственнику, по-своему утилитарны, но первая, естественно, облечена в особую, официальную форму, далекую от разговорной, а грамотка, помимо зачина и концовки, порою не свободных от фразеологии, навеянной церковной книжностью, в значительной степени разговорна, поскольку обслуживает сферу неофициального, интимного общения.

Вот, к примеру, грамотка сугубо утилитарного свойства:

«Гсдрю Андрѣю Иличу холоп твои Истратка Микитин да старостишко Харлашко Борисовъ челомъ бьют писал ты гсдрь ко мне холопу своему велель прислать лен и поскон что осталос за роздачею у оброков и у нас гсдрь лен не родился нет ни горсти а поскони толко десет десятков да ты же гсдрь ко мне холопу своему пишеш велишь кормить мелкую скотину ухвостьемъ и у меня холопа твоего ухвостья нет по ка места молотили хлеб по та места и ухвостья (так в ркп.— С. К.) было пожалуй гсдрь изволь прислать льну на сети»<sup>4</sup>.

Мы не видим в грамотке ни одного слова, во вседневном, обиходном употреблении которого в то время в среде простого люда можно было бы сомневаться. Все, обозначаемое подобной лексикой,— предметы, явления и отношения — составляло тот обыденный мир простого русского человека, в условиях которого как раз и пользовались разговорной речью. Характерно в этом отношении и выражение *лен не родился*. А такие образования, как *посконъ*, *горсть* в значении «мера льна» и, кроме того, *ухвостье* обличают в писавших грамотку носителей диалекта<sup>5</sup>. Географическая дифференциация, с одной стороны, слова *посконъ*, а с другой, *замашки* применительно к XVII в. установлена нами, например, для южновеликорусской области<sup>6</sup>. Принадлежность слова *горсть*, применяемого в указанном значении, к словам не общего употребления отмечалась неоднократно. О диалектном характере слова *ухвостье* говорит наличие дублетов *озадки* и *ухоботье* в других русских говорах.

Уже в приведенном заурядном тексте, небольшом и относительно «однотонном», определенно проступает народно-разговорная речь в ее лексических элементах. Нет оснований определять как далекий от разговорного, как свойственный, скажем, литературно-книжному или приказному языку и синтаксис этой грамотки.

С точки зрения отражения на письме народно-разговорной стихии подобной общей характеристике отвечают и многие другие тексты той же категории, вошедшие в публикацию, упомянутую Б. О. Унбегауном. Не выпадает из этого круга текстов, например, пространная грамотка, которую послал своему брату Ф. И. Безобразов. За вычетом единичных выражений («приставили к тебѣ», «искали владенья», «земли ісшут», «межа писцовая», «прямои... выпиши», «велел ему тебя во всем дакладовать»), ее лексическое и фразеологическое наполнение не обнаруживает характерных примет приказного языка, как не обнаруживает явных при-

<sup>4</sup> «Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. (Из фонда А. И. Безобразова)», изд. подготовили С. И. Котков, Н. И. Тарабасова, М., 1965, стр. 73. Здесь и далее буква „ук“ заменяется буквой у.

<sup>5</sup> О нетвердости их правописания и отсутствии книжной выучки, что безусловно благоприятствовало проявлению в письме «разговорности», свидетельствует, между прочим, отказ от употребления буквы ѣ: *хлеб* (вместо *хлѣб*), *сети* (вместо *сѣти*) и т. д.

<sup>6</sup> См.: С. И. Котков, Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков, М., 1970, стр. 28.

мет и литературно-книжного языка (кроме, разве, пожелания «пребываи во всяких радостях» и выражений «добра желател» и «чести твоеи аберегаеть»). А отражение в ней фонетических явлений свидетельствует о близости написанного к устной народной речи.

Вот текст грамотки:

«Батка и братецъ Андрей Ильич здравствуи гсдрь на многие лета і пребываи во всяких радостях с невѣстькою с Агаеюю Василевною і с теми кто тебѣ гсдрю всякова добра желател и чести твоеи аберегаеть»

Писал ты гсдрь ко мне что Иван да Степан Ловчиковы приставили к тебѣ і не сходя суда искали владенья сорока семи четвертей с осминою и про то гсдрь мне ведома и то гсдрь дела у нас обчая толка гсдрь какои они земли ісхут у нас их земли нет с нашею дрвнею Дешкиною и ныне межа писцовая съ их дрвнею Дешкиною толка гсдрь по той меже ныне проложена большая дарога и от реки от Оки каторыя были грани на деревях те все высечаны толка один столбъ у дароги стоит а от того столба межою да телчанскою межи надобна была два столба да две ямы и те столбы выволились а ямы заплыли а прямои гсдрь выписи нету и ты извол гсдрь выпис прислат а я нарошна велел чюбаровского своего крстьянина прислат кои час приедит члвченка мои что с Ловчиковыми з дрвнею Дешкиною писцовою межою да без нея ж и не даходя Оки межа цела толка гсдрь столбы вывалились всево два столба стоят да две ямы и они не о своем уме на нас земли исхут у нас промеж их дрвни Дешкиною і нашеи дрвни Телчеи межа писцовая а кои час гсдрь пут падет и я тот час буду к Москве и мне на них бит челом с тобою вместе что у нас их земли нет і не бывала а их земля от наших земель отмежована и крстьяне гсдрь наши владеют по писцовым книгам и по писцоваи меже как батюшка и дядя при прежних помещиков владели а что ты гсдрь изволил ко мне писат что дарога из Болхова і ва Мценескъ ездят и по иным по той дароге гсдрь Ловчиковы крстьяне не ездят а другая дорога что на их дрвню была и я по твоему писму велел вспахат и надолбы от их земли зделат чтоб их скотина на нашу землю не ходила и в лес в наш бы их не пусшат и то гсдрь зделано во все лето ногою не были а иных дарок нет по нашеи земли и своим крстьяном заказал против твоего писма да пишеш гсдрь чтоб мне не заживатца в дрвне естли бы братецъ не нужна меня несла для орловскои дрвни для межаваня кто бы меня с Москвы нес еи гсдрь за писцом за Полуехтом Шамординым посылаючи лошадей и людей помарил а я гсдрь с людьми с твоими по меже ездил и землю их смечали и у них надобна в дачах на петдесят четвертей старые дачи да внос сорок сем чети въ их жа дачех за писцовою межою и они без ума на нас исхут мошна и на землю что у них в дачех и я у них землю смечю всю і к тебѣ опишу что у них всеи земли да пишеш ты гсдрь ко мне что будут писцы в Канкова и в Гаврикова и на Каменку межават а меня на Москве нет и тебѣ бунто без меня делат печава и Яков Стрешнее нарежаецца бит челом и Якову гсдрь с коими глазы бит челом брат ево Яковлев Григорей бил челом на батюшка и на дядю об межаване и по ево челобитю Семен Хлопов и межавал и про то тебѣ гсдрю ведома сам ты тут был и как что делал все при тебѣ а я в те поры был под Быховом и Якову как бит челом а гсдрь указ старои и новаи не токмо что межавоя дело будет по записям или по каким крепостям у прежних помещиков или у вотчинников зделки были так им и быть будет Яков станет на нас бит челом и ты изволь на него бит челом гсдрьвым указом и мое именишка вели написат а что гсдрь пишеш мне самому быт не на чамъ а дрвенские выписи с писцовых книг у тебя гсдрь дрвни Канковаи выпис с межавых книг Семена Хлопова у тебя гсдрь а хотя братецъ я и на Москве был и мне без твоего веленя как делат как тебя гсдрь богъ на разум наставит так и делаи во всем ты волен послал к тебѣ гсдрю

нарошина члвченка своего Силку и велел ему тебя во всем дакладоват что ты гсдрь изволиш и ты гсдрь за тем делам прикажи члвку своему ходит а будет что лучитца кормь или что дат и ты гсдрь прикожи члвченку моему да писал ты гсдрь ко мне что мои члвкь Митка Даниловъ с пова-ренным малам украл полсажени дров и я как буду на Москве і про то гсдрь розыщу мне гсдрь такая дурость не надобна по том тебе гсдрю своему і нѣвестке Агаеѣ Василевнои братишка твои Оетка челомъ бьеть

В белевской своей дрвни Телчеи октября въ КГ де живъ»<sup>7</sup>.

Промелькнувшее в тексте *токмо* — не обязательно из церковных книг: для многих русских говоров, по данным старых словарей и современных наблюдателей, образования *тобко* или *токмá* вполне обыкновенны, почему и попадают в художественные произведения в качестве народных, например: «[Акулина:] Не токмо пшена,— хлебушка нет» (Эртель, Гарденины); «Афанасий Яклич выразил большое неудовольствие, когда Гараська взял столичного человека.— Я бы эдакую погань не токма ночевать, на версту не подпустил к деревне! — сказал он с необыкновенным видом презрения прямо в лицо столичному человеку» (Эртель, Гарденины).

Особенно яркие приметы народно-разговорной стихии находим в таких, например, выражениях: «кои час гсдрь пут падет и я тот час буду к Москве»; «другая дорога что на их дрвню была и я... велел вспахат... чтобы их скотина на нашу землю не ходила... и то гсдрь зделано во все лето ногою не были»; «пишеш гсдрь чтоб мне не заживатца в дрвне»; «естли бы братецъ не нужна меня несла... кто бы меня с Москвы нес»; «Яков Стрешнев нарежаецца бит челом и Якову гсдрь с коими глаза бит челом». В оборотах вроде «пут падет» и «во все лето ногою не были» или «не заживатца в дрвне» и «естли бы... не нужна меня несла... кто бы меня с Москвы нес», и, помимо того, «Якову... с коими глаза бит челом», легко улавливаем слог, характерный для устного рассказа.

О том, что писавший грамотку был обычным сельским грамотеем, в значительной степени свободным от орфографической традиции и, значит, в письме во многом следовавший живой народной речи, говорят его весьма нередкие отклонения от орфографии, с едва ли не полным отрешением от правописания буквы ѣ.

И приведенные грамотки и многие другие, вошедшие в цитируемое издание, по содержанию являются деловыми, и тем не менее отождествление их со всеми иными деловыми текстами явно неправомерно. Грамотки обслуживали неофициальное, порою семейное общение и не имели юридического значения, почему определенно выпадали из приказной, официальной письменности, сферы приказного языка. К сожалению, безоговорочное отнесение материалов частной переписки к неизмеримо более стандартной и функционально иной официальной письменности в науке еще не преодолено. Обыкновенно не делают различия не только между грамотками и частью-правовыми актами — меновными, раздельными, духовными и т. п. — но и между грамотками и актами государственными. Так, например, читаем: «Рядом с описанным здесь литературным стилем письменного языка Московская Русь знала и другой его стиль — деловой. Этот стиль речи принято называть приказным языком, так как наиболее типичные его образцы находятся в приказном делопроизводстве XVI—XVII вв. Это, следовательно, язык канцелярских бумаг, юридических актов, хозяйственных записей, официальной и частной переписки, то есть таких явлений письменности, в которых нет стремления к литера-

<sup>7</sup> «Пам ятники русского народно-разговорного языка XVII столетия», стр. 43—44.

турности изложения»<sup>8</sup>. Поскольку ранее у автора говорилось о произведениях с определенными художественными достоинствами, литературность так или иначе в приведенном здесь высказывании сводится к художественности, а между тем «понятие „литературности“ речи необходимо отличать от понятия ее „художественности“»<sup>9</sup>.

Трудно согласиться с представлением, что в XVII в. русский литературный язык существовал всего лишь как язык художественной литературы и не было общего литературного языка, в основе своей русского, на базе которого (и церковнославянского) в то время только и мог развиваться язык художественной литературы. Связывать его развитие с одним лишь церковнославянским, по меньшей мере, спорно. Предположение, что в русском обществе в течение полутысячелетия, в том числе и в деловом общении, литературные функции выполнялись исключительно старославянским — церковнославянским языком, не согласуется с данными старой письменности. Существенные литературные функции выполнял и так называемый язык московских приказов. Отказывать этому языку в какой бы то ни было литературности едва ли есть основания, особенно если принимать во внимание, что в название «приказный язык» вкладывают самое разнообразное содержание.

В самом деле: разве язык того же Уложения не несет на себе печать определенной кодификации (имеем в виду литературную, а не юридическую), которая прежде всего и обуславливает литературность? Не случайно и Г. О. Винокур обнаруживает в этом «памятнике приказного языка» «некоторый налет книжности». Присутствие последней правомерно объясняется естественной необходимостью в литературной обработке документа большого государственного значения. Едва ли возможно полагать, что существовавшее в ту пору на Руси представление о литературности не было принято во внимание составителями основного закона государства. А по мнению Г. О. Винокура, наличие в нем налета книжности «имеет специальное объяснение в особых условиях его появления (каких именно условиях, об этом не говорится. — С. К.) и, в частности, в том, что ему была придана типографская печатная форма»<sup>10</sup>.

Придание Уложению печатной формы в какой-то степени, понятно, действовало его кодификации, но лишь в отношении графики, орфографии и пунктуации и не имело существенного значения для его литературности. Ср. замечание П. Я. Черных о работе справщиков Печатного двора: «Они не имели возможности (если бы даже к этому стремились) произвести какие-нибудь существенные изменения в тексте печатного Уложения сравнительно с рукописным оригиналом, потому что за этим следил Одоевский и дяки, но они были полными хозяевами этой книги в других отношениях, в частности, например, в области графики, орфографии и пунктуации...»<sup>11</sup>.

Возьмем не попадавшие в печатный станок Вести-Куранты XVII в. И они являют собой образцы хотя и не специфически художественного, тем не менее, литературного изложения. Стремление «курантельщиков» Посольского приказа — русских переводчиков зарубежных вестей — к определенной литературности проявляется и в композиции материала, и в исправлениях, порой многочисленных, рассеянных в черновых записях, причем не только фактического, но и стилистического свойства. То же стремление к литературности прослеживаем и в отчетах русских послов,

<sup>8</sup> Г. О. Винокур, Избр. работы по русскому языку, М., 1959, стр. 64.

<sup>9</sup> В. В. Виноградов, Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка, М., 1958, стр. 69.

<sup>10</sup> Г. О. Винокур, указ. соч., стр. 66.

<sup>11</sup> П. Я. Черных, Язык Уложения 1649 года, М., 1953, стр. 73.

или так называемых статейных списках, которые Д. С. Лихачев с достаточным основанием характеризует как памятники литературы<sup>12</sup>. Уже самый характер таких текстов, как Уложение (государственный кодекс), Вести-Куранты и Статейные списки (ответственная международная информация), в значительной мере предопределял необходимость их литературной обработки, тем более, что в приказной практике сложились для этого благоприятные условия. «В московских приказах, — справедливо писал Б. А. Ларин, — ... с XV—XVI вв., по мере усиления централизации административной системы создается единство административной терминологии и фразеологии, единство основных норм языка деловой письменности»<sup>13</sup>.

Но если тексту Уложения, Вестям-Курантам и Статейным спискам нельзя отказать в литературности (не касаясь обстоятельств иного рода — хотя бы просто потому, что они выходили из-под пера людей по тем временам образованных), говорить о стремлении к литературности писца какой-нибудь грамотки в лице, например, деревенского старосты или барского приказчика, а также сельского нецерковного дьячка или, скажем, в более высоком кругу, супруги, пишущей к мужу, было бы, по меньшей мере, опрометчиво. Особенно показательны в этом смысле не свободные порой от элементов фольклора грамотки «семейные», грамотки интимного свойства. Только в зачинах и концовках этих, как и прочих, грамоток встречаем слова и выражения, навеянные церковной книжностью. Вот несколько примеров: «гсдрю моему і другу сердешному Івану Семеновичю женишка твоя Дашка премного чело (так в ркп. — С. К.) бьет здравствуйи друг мои Іванъ Семеновичъ на множество лѣтъ в млсти бжии а ко мнѣ друг ізвол писат о своемъ многолѣтномъ здорое чего я о твоємъ блгоздравіи по вся чсы слышати со усердиємъ желаю»; «подаи годъ богъ тебе гсдрю моему многолетна здраствовать на многие впредь идущия леты»; «за семъ писаниємъ мир и тебя благословения»; «па многие нищетные лѣта желая к себѣ вашего премногого» млсрдие Івашка Губинъ рабски і з женою и з детми со усердиємъ премного с радостию чело м бьемъ»<sup>14</sup>. Примеры эти еще не указывают на осознанное стремление к литературности, а знаменуют лишь усвоение писцами, так сказать, в готовом виде исторически сложившихся формул эпистолярного этикета.

А вот каков основной текст той «семейной» грамотки (приводимой вследствие повреждений с незначительными купюрами), которую послала Ивану Семеновичу его «женишка Дашка»:

«... а Парашенка у меня девочка ізрядная дай гсди те[бе]... і как станем тебя кликат і она так же кличет і нам всево дороже... прошу у тебя друг мои Іванъ Семеновичъ млсти гда ра[ди] ... мои не пѣчался во всемъ уповаи на млсть бжию і пожалѣи мѣ[ня] і детокъ своих а у нас толко і радости что ты друг мои бга ради не пѣчался

А чаят Петров днь кончая... Мартьянъ с Воронежа приѣхал а с Воронежа с ним... ко Кузма Титов в Козловѣ у строгового дѣла [н]е бывал а будет де он ис Козлова на Воронеж на Троицу... даны будары которыя на Воронеж Семену Грибое[до]ву а естли Кузмы Титова ждат с запасом на Воронеж ж ... будет долго а которыя будары на Воронеж есть ис под Азова взогнаты і те все на сухом берегу худы і гнилы і по се число не

<sup>12</sup> См.: Д. С. Лихачев, Повести русских послов как памятники литературы, в кн: «Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки», М.—Л., 1954.

<sup>13</sup> Б. А. Ларин, Разговорный язык Московской Руси, сб. «Начальный этап формирования русского национального языка», Л., 1961, стр. 29.

<sup>14</sup> См.: С. И. Котков, Н. П. Панкратова, Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века, М., 1964, стр. 65, 74, 128, 152.

чинены а в грамоте великаго гсдря какова послана іс Пушкарскаго приказу на Воронеж Кузме Титову о бударах написано велено дат боярину кнзю Алеѣю Петровичю Прозоровскому будара а нам будара з дьяками іс тех которыя взогнаты іс под Азова вверхъ Доном на Воронеж болшаго полку боярина і воеводы Алеѣя Семеновича Шеина і боярина кнзя Алеѣя Петровича члвкъ ево Семенъ Куров і Лазоревъ грамоту великаго гсдря Семену Грибоедову подали і онъ указал на старыя будары которыя на сухом берегу не починены и згнили і о гребцах грамоты великаго гсдря подали ж Семену Грибоедову і онъ сказал у мѣня скат грѣбцов нет грёбите і сами і Лазорев вкупилися в будару у донских казаков і со есем в будару угрузалис а дано вкупу И ру их грёбцы і кормицѣ а хотя б будары і дали старыя і гнилыя і в тех бударах ѣхат опасно і на починку б днгъ много надобно а грёбцов бы нанят же а чайт с Воронежа вскоре а что прислана грамотка июня в И де а в Азовѣ писана маяя К з числа и писано немного і мне о том гараздо печелно все ли ты друг мои в добром здорове і смирно ли у вас і нет ли каких подходов от неприятелѣи і ты друг мои о томъ ко мнѣ никогда не отпишеш ... у вас дѣлаецца а горенка і садния сени гараздо худы ннешнее лѣто одва простоят ли а естли поваляйтца сад вес переломаетъ а в горенку нне і девки не ходят і ходит дѣтям по сеням опасно а прошлаго году починивали присылан был съ Юрева Ванка Деменьтьев і нне вся горенка і с семми отошла от полаты і поклонилас вся на сад а какъ горенка і сени обваляйтца сад вес переломает да пожалуи друг мои сердешнои Іванъ Семеновичъ не печался побереги своего здорovia умилис надо мною над такою бедною безродною і над детми а я безродная і безпомошная пожалеи своего здорovia да пиши друг мои х Катюшке грамотки уставом хотя неболшее да послала я к тебѣ друг мои связочку извол носит на здорове і связыват головушку а я тое связочку целои днь носила і к тебѣ друг мои послала извол носит на здорове а я еи еи в добром здорове а которыя у тебя друг мои естъ в Азовѣ каютаны старыя изношены и ты друг мои пришли ко мне отпоров от воротка доскуточикъ камки и я тое камочку стану до тебя друг мои стану носит будто с тобою видятца а Дмитриѣи Ѳедорович і Матрена Івановна і Марѣа Дмитревна дал бгъ здорovy а живут в подмосковнои а кнзь Василеи Григоревичъ в дрвне а кнгиня Ірина Івановна на Москвѣ и с свекровою а кнжны Стеѡаниды Василевны не стало і я у неи на погребенье была і о том пожалуи друг мои не пѣчался у нас и у самиг Михаилушка не ста[ло] да не пособит по тому тебѣ друг мои премного челом быю да пожалуи друг мои извол писат об людях все ли в добромъ здорове а к женам грамотки не прих[одят] и оне плачють извол друг мои их грамотки своими печат...»<sup>15</sup>.

И описание семейного быта и всяких хозяйственных забот, и изливание связанных с народным верованием глубоких, интимных чувств, и сообщения о судьбах близких людей и о различных житейских обстоятельствах — все это (оно и составляет содержание письма), не нуждаясь в особом, церковнокнижном или специально приказном выражении, естественным образом облекалось в форму разговорной речи.

Конкретно эта «разговорность» письма, при всей разнородности его содержания, проявляется в абсолютно свободном переключении с одной темы на другую, переключении, нисколько не мотивированном предшествующим текстом: так, душевную весточку о детях сменяет рассказ о затруднениях с бударами и о плохом состоянии домашних строений, а далее следует изъяснение нежной привязанности к мужу. О «разговорности», кроме того, свидетельствуют и обращение к «другу сердешному», и экспрессивное употребление уменьшительных образований не только

<sup>15</sup> С. И. Котков, Н. П. Панкратова, указ. соч., стр. 65—66.

от собственных имен, что было обыкновенно в приказной письменности и в ней социально обусловлено, но также от нарицательных, и уверение «ей ей».

Для суждения о том, каким языком писались в то время грамотки, существенны сведения о людях, которые их писали, как писали и документы, особенно сведения о писцах с огромной периферии. Исследование южно-великорусской письменности XVII в. убедительно показало: периферийные писцы-профессионалы не являлись присланными из Москвы, как прежде обычно думали, а в подавляющем большинстве своем были местными уроженцами. Аналогично происхождение и писцов-непрофессионалов<sup>16</sup>. Вместе с тем выяснилось, что письмо подобных грамотеев не отличается твердой орфографией и заключает приметы локальной речи<sup>17</sup>. Принимая во внимание эти обстоятельства, отражение в грамотках разговорной стихии можно считать реальным. Итак, приходим к заключению: частные письма — грамотки в сопоставлении с прочими источниками того же самого времени представляют разговорную стихию если и не в полном виде, то наиболее рельефно. Выходит, характеристика грамоток как памятников народно-разговорного языка имеет достаточные основания.

Определенные объективные обстоятельства в известной степени обеспечивают отражение разговорной стихии и в материалах актового характера, в документах государственного управления и частно-правовых. Вместе с тем подобные материалы заключают и заметный элемент того литературного языка, истоки которого берут начало в древнерусской эпохе и который, в отличие от церковнославянского, способен был обслуживать более широкие сферы жизни русского общества. В исследуемое время, как и прежде, при известном церковнославянском влиянии, этот язык продолжает развиваться на общерусской основе, наиболее обобщенным выражением которой к началу национального периода становится московский говор.

Недифференцированное, общее восприятие деловой письменности XVII в. приводит к ошибочным суждениям о лингвистической содержательности и лингвистической информативности образующих ее категорий источников. В интересах успешной разработки истории русского языка составляющие деловую письменность категории источников необходимо определенно разграничивать. Поскольку эта письменность недостаточно исследована, в качестве элементарного разграничения, полагаем, возможно следующее: эпистолярная письменность, актовая письменность, статейная письменность. Первые два обозначения не нуждаются в особых разъяснениях. Заметим только: в актовые включаем и законодательные тексты, вроде Уложения 1649 г. Статейную письменность представляют отчеты русских послов, или так называемые Статейные списки<sup>18</sup>, а также Вести-Куранты. Включение последних в статейные тексты оправдано и общностью их содержания и содержания Статейных списков (военно-политические и экономические вести из зарубежных стран), и более или менее общим следованием в тех и других источниках статейному принципу изложения. Например, в Вестях-Курантах 1620 г. встречаем такие

<sup>16</sup> См.: С. И. Котков, Южновеликорусское наречие в XVII столетии (Фонетика и морфология), М., 1963, стр. 24—26; е г о ж е, Отказные книги, ВЯ, 1969, 1, стр. 131.

<sup>17</sup> Впервые осуществленные лингвистами обширные публикации грамоток подтверждают это со всей определенностью. Кроме названных, см.: «Грамотки XVII — начала XVIII века», изд. подготовили Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова, под ред. С. И. Коткова, М., 1969. См. также отдел первый в кн.: «Московская деловая и бытовая письменность XVII века», изд. подготовили С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова, М., 1968.

<sup>18</sup> См.: С. И. Котков, Сказки о русском слове, М., 1967, стр. 72—73.

редакторские пометы: «переписат к тѣм к прежним к четырем статьям тотчѣсь» (ЦГАДА, ф. 141, оп. 1, 1620 г., № 15, л. 15); «переписат тотчѣсь к прежнимъ к трем статьям» (там же, л. 30). На листе амстердамского издания «Europische Saterdagse courant», с которого переводили вести, встречаем следующую помету: «переведены тѣ стати которые надобны а иные были» (ЦГАДА, ф. 155, 1646 г., № 5, л. 4 об.).

С деловой письменностью исследуемой эпохи обыкновенно связывают деловой, или так называемый приказный язык. Но если эта письменность, как можно было убедиться, довольно неоднородна, по-видимому, нуждается в пересмотре и представление об этом языке как однородном образовании. Когда выделяют «деловой» язык, в отличие от «книжно-литературного», то это противопоставление в какой-то мере оправдано, поскольку определение «деловой» в сравнении с «приказный» является более емким. А что касается определения «приказный», то его применение к языку в смысле «деловой», по меньшей мере, спорно. Скажем, язык эпистолярной письменности, в известной степени деловой, не является, однако, приказным, тождественным языку делопроизводства и государственного управления, языку актовой письменности. Да и в таких безусловно «деловых» произведениях русской письменности, как Статейные списки и Вести-Куранты, мы не можем с уверенностью усмотреть просто язык приказов, хотя появление этих произведений и обуславливалось деятельностью последних. И в Статейных списках, и в Вестях-Курантах вполне отчетливо проступает определенная литературность и, кроме того, заметные элементы публицистического стиля, которые в общем не характерны для массовой актовой письменности. По нашему мнению, определение «приказный» условно можно ассоциировать только с языком стандартных актовых текстов.

---